

Лемешева Ирина

16+

Все, как у всех

Ирина Лемешева

Все, как у всех

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57384988

SelfPub; 2021

Аннотация

Герои повести – наши современники, которые в суете и водовороте жизни не разучились чувствовать и любить. Не все дороги ведут их к полному счастью. И порой так непредвиденны их поступки. Но такова жизнь. Книга читается легко, буквально на одном дыхании, и оставляет за собой шлейф воспоминаний. Мария Метлицкая: "Герои повести Ирины Лемешевой любят, страдают, жалеют, сомневаются, делают ошибки и находят выход, предают и остаются верны. Словом, они – одни из нас, они живые, и поэтому интересны. Рекомендую к прочтению".

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	20
Глава четвертая	24
Глава пятая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ирина Лемешева

Все, как у всех

Все события и герои вымышленны. Любые совпадения с реальными людьми прошу считать случайными.

Глава первая

По легенде, они познакомились в маршрутке. Возможно, сидели, прижавшись друг к другу, на заднем сиденье, а возможно – он передал через нее оплату за проезд. И обратил внимание на кольцо – точно такое он подарил жене на помолвку. Ну, а там – слово за слово. Вторая легенда была ещё более нереальна. Что, якобы, судьба столкнула их в прямом и переносном смысле в автобусе. На каком-то крутом повороте. А, собственно, почему нереальна? Безлошадные, пользующиеся общественным транспортом, всего как пять лет в стране. Она приехала с родителями и маленьким сыном, оставив за плечами короткий, но достаточно тяжелый брак. Типичная мать-одиночка, каких понаехало море. Так они и поселились все вместе – 3-й этаж без лифта, старый дом где-то там, в южном Тель-Авиве. В те годы была популярна шутка – если новый репатриант спускается с самолёта без скрипки, значит он пианист. Она не была ни пианисткой, ни скрипачкой. Хотя близко. Учительница по классу виолончели. И эту виолончель вынес из самолёта её отец. Про таких, как она, говорят "видная женщина". Изгибы ее тела повторяли изгибы ее любимого инструмента: широкие бедра и узкая талия, тонкие щиколотки и запястья, высокая грудь и горделивая посадка головы. И спина – прямая, ровная, как у балерины. Порода, одним словом. Со всем остальным дело обстояло

немного иначе – это была внешность "на любителя", но которая обращала на себя внимание. Очень строгое лицо неправдоподобно белого цвета, нетронутое румянцем. Маска, а не лицо. Без тени улыбки. Узкое, длинное, как на иконах. Тонкие губы и очень-очень узкие глаза, глядя в которые хотелось спросить, не осталось ли у вас родни в Шанхае? Копна кудрявых волос была стянута резиночкой на макушке и каштановым водопадом низвергалась на спину и плечи. Но даже это не придавало живости ее облику. Хотя, каким-то непостижимым образом угадывалось, что эта холодность кажущаяся, что это просто фасад, за которым скрывается многое. И только знакомые с ней близко знали, как преобразует это лицо ее улыбка. Она была достаточно практична, чтобы понять – о виолончели, как о специальности, придется забыть. Соседи-старожилы посоветовали бухгалтерские курсы. Тогда многие из приехавших женщин-гуманитариев – всевозможные филологи и театральные критики, учителя истории, географии и музыки – внезапно нашли себя в мире сухих цифр, бесконечных бумаг и отчетов. Надо было выживать. Родители получили хостель – маленькую, уютную двушку и, конечно, не в Тель-Авиве, а в крохотном городишке на юге страны, но кто на это смотрел? Она осталась в съемной квартире вдвоем с сыном и с мыслью, что из этого района надо выбираться: ее мальчик должен ходить в приличную, нет-в-хорошую школу- и общаться с благополучными детьми. Это была идея-фикс, к которой она шла упорно, преодолевая сту-

пени своих курсов, занимаясь параллельно ивритом и воспитывая Макса. Школа, на удивление, оказалась весьма приличной, и мечта о переезде так и оставалась мечтой вот уже почти пять лет. У него все обстояло проще: красавчик и баловень судьбы, совершенно непонятно как устроившийся на работу в фирму, одно название которой говорило очень много и новичкам и сторожкам. Только присутствие там обещало другой уровень жизни: другую зарплату, круг общения, продвижение. Он тоже приехал с родителями, но с родителями жены. Да, он был женат. На симпатичной умнице, которая, не поднимая головы, готовилась к экзаменам. Она была врачом и не собиралась менять любимую специальность ни на какую другую. А ещё у них было два чудесных сына – погодки, которых многие принимали за близнецов. И тут – среди белого дня – то ли маршрутка, то ли автобус, да разве это так важно? Что это было? Землетрясение? Тайфун? Цунами, которое безжалостно накрыло их с головой и потащило в открытое море? Они выяснили, что приехали из одного города, что у них полно общих знакомых. Была даже версия, что они дальние родственники, но она не подтвердилась. Встречи, сначала редкие, стали чаще. Жена, та, которая врач, сидела не разгибаясь, готовясь к многочисленным экзаменам. А у них начался роман. Он приносил ей цветы и мармелад – ее любимые конфеты. Сумел подружиться с ее сыном. Пытался в чем-то помочь по дому – передвинуть шкаф или натянуть верёвку для белья, выкрутить и вкрутить лампочку. Он был

электрик – спец по всяким и разным лампочкам .– Моя специальность – дарить людям свет! – так он шутил.И она утонула в этом свете, в его ухаживаниях и заботе. В его любви.

Вначале все было хорошо – и даже одинокие праздники она воспринимала, как должное – что ж, у человека семья. А потом начался абсолютно закономерный этап их отношений – она начала обижаться. На его неприходы и незвонки, на невозможность поехать куда-то вместе, да что там поехать! – просто остаться на ночь. Пыталась закончить их отношения, но не смогла – их тянуло друг к другу с неменьшей силой, чем в первый день. А, может, даже с большей. Им было так хорошо, так тепло и комфортно вместе, что она не понимала – что его держит там, в семье, где жена, сдав на врача, полностью погрузилась в работу, брала много ночных смен и дежурств по телефону. Не задавала этих вопросов, но он их видел в ее глазах. Объяснял: дети, мальчишки. И она чувствовала, что это не дежурная отмазка большинства мужиков. Он был отличный отец, более, чем отличный, и уход из семьи расценивал, как предательство больше по отношению к сыновьям, чем по отношению к жене.

– Подождем, пусть закончат школу, – обещал он.

За это годы ожидания тихо и внезапно ушел из жизни его тесть, как-то резко сдала теща, хотя по-прежнему хлопотала на кухне, затевая то пироги с капустой, то блинчики с мясом. Он получил на работе шикарную французскую машину и, наконец, осуществил мечту – они всей семьёй переехали в

просторный пентхаус с видом на море. 5 комнат от хорошего строительного подрядчика (даже переделывать почти ничего не пришлось). Сменил не только квартиру, но и город – ближе к работе. Продолжал, может быть, не так быстро, но с цепким постоянством продвигаться вверх по карьерной лестнице. Жена не отставала – не сразу, но всё же, пройдя сумасшедший путь, сдала на специализацию и стала онкологом. Работала в крупной больнице центра страны, читала лекции и стала ездить на конференции – сначала по Израилю, а потом и за рубеж. Выросли и ушли в армию их сыновья.

Она так и не сменила квартиру – двушка в южном Тель-Авиве, 3-й этаж без лифта (полезно – хоть какая-то нагрузка), виолончель в углу спальни, в старом потертом футляре, по которому она любовно проводила мягкой тряпочкой. Но – неплохая работа – бухгалтер в солидной компании, правда, без возможности какого-либо роста. Машину так и не купила, с родителями виделась редко, общаясь в основном по телефону: ехать – целая история, очень далеко! – и вяло отбивалась от советов мамы "найти себе человека".

Как-то в апреле он позвонил вечером – в необычное для него время – и поинтересовался, сможет ли она взять отпуск на неделю.

– Жена завтра улетает на пару недель в Ирландию – конференция.

– И? – не поняла она.

– И мы рванем. Правда, покороче

и поближе – на Мальту. Я уже забронировал билеты. Хочешь?

Она хотела. На работе все утрясла достаточно быстро. Так же быстро собрала чемодан – что надо особенного на эти 6 дней – 5 ночей?

Это был их первый отдых вместе, и тогда она в полной мере поняла и оценила, что значит быть его женой – не думать о такси, не знать толком время вылета, не таскать чемодан, не заниматься паспортом, не заботиться о гостинице и о маршруте, о том, где пообедать и где поужинать. У него был намного больший опыт поездок, чем у нее, и все шло по плану – с утра до вечера. Так, как ей мечталось. Они ели креветки, запивая молодым белым вином, от которого пьянеется так быстро и незаметно. Заказывали горячий капучино с пенным сердечком и чудесной, ещё теплой, мальтийской выпечкой с медом, подолгу бродили по побережью, удивляясь, что их родное Средиземное может быть таким бурным и суровым. Они любовались яркими сувенирами и зависали в мастерских ремесленников. Не размыкая рук, растворялись в тишине храмов и сбивались со счета, пытаясь понять, сколько же ступеней у этой бесконечной лестницы, ведущей в грот, о котором, видимо, не знал ни один турист. Ибо там они были одни, совершенно одни – на мокрых скользких валунах, обдаваемые мелкими и колючими морскими брызгами. Они объездили весь архипелаг – на автобусах и паромках, на корабликах, катерах и лодочках. Она поняла, что шесть

дней и пять ночей – этот огромный кусок жизни, который, тем не менее, быстро подходил к концу. И ежеминутно чувствовала, что он думает о чём-то, постоянно и беспрерывно, читала это в его глазах. Но вопросов не задавала. Время вопросов кончилось. Прошло. Она научилась ни о чем не спрашивать, наслаждаться моментом, отодвигать негатив за пределы круга, который очертила вокруг себя. Это была их маленькая планета, о которой не знал никто, кроме ее сына. У него тоже не знал никто, но иногда он ловил на себе взгляды тещи, пытливые, холодные и понимающие.

Дома его встретила тишина: понедельник, мальчишки в армии, жена возвращается только через неделю. Из своей спальни, шаркая, вышла теща, сухо поздравила с приездом, не спросив ничего. Дома знали, что у него командировка на Мальту, но проницательная Полина Давыдовна наверняка знала больше, намного больше. Об этом красноречиво говорил ее тон, ее взгляд, ее поджатые губы и демонстративно выпрямленная спина, ее походка, которой она удалялась в свою комнату, опираясь на красивую палку, которую они с женой привезли ей то ли из Словении, то ли из Хорватии. И он вдруг почувствовал, что внутри что-то лопнуло, как струна от гитары, с коротким и жалобным звуком. Он с удивлением понял, что совершенно не рад возвращению домой, в квартиру, в которой они жили уже более трёх лет, которую он так любил, которой так гордился. Из компании своих друзей он первый решился на такое серьезное вложение финан-

сов, на такие ссуды. Это не был бездумный шаг – они оба понимали, что уже хорошо стоят на ногах, и что это только начало. Молодые, способные, упрямые и амбициозные, они были примером для многих. Звездная пара.

Он обожал сидеть на огромном балконе и с высоты 9-го этажа наблюдать, как красный шар солнца скатывается в сверкающую толщу моря, и как ещё некоторое время нежно и перламутрово розовеет небо над горизонтом. Сидел чаще всего один-жена то занималась, готовясь к очередному экзамену, а потом – к лекциям, то брала ночные смены. Эта гонка развела их в разные стороны, как боксеров на ринге. Что-то безвозвратно ушло из их отношений так незаметно, буднично, без скандалов и выяснений, что было понятно – этого уже не вернуть. И тут же почувствовал, что уже скучает. Скучает по Мальте и их номеру в 4-х-звездочной гостинице, с балконом и видом на залив, усыпанный белоснежными парусниками. По ее глубокому голосу и по ее ладоням, необыкновенно мягким и теплым даже в прохладные вечера. Вдруг вспомнилось, как они ехали на втором этаже открытого красного туристического автобуса. Было холодно и ветренно, и она, заставив его надеть шапку, обмотала его лицо своим шарфом, оставив открытыми только глаза. Это было так смешно. Она дурачилась, говорила, что он похож на террориста и советовала ограбить какой-нибудь мальтийский банк-покрупнее. Как они катались на кораблике и, когда началась сильная качка, шутник-капитан врубил песню из "Титаника". Вокруг смея-

лись немцы и итальянцы, и она тоже смеялась, но вдруг, поняв, что ему некомфортно, перестала и просто молча сжала его руку. Он понимал, что между той снежной королевой, которую он встретил случайно по пути на работу, и этой – живой, теплой и смешливой – такая большая разница. Пропать. Не сразу, но он сумел растопить лёд, вернуть улыбку и краски на ее лицо. Он раскрыл ее – новую – и для себя и для нее самой. Не сразу, шаг за шагом, продираясь через ее обиды и его непонимание, они выстроили нечто, без чего он просто не мог больше существовать. Не мог дышать. Не мог жить.

Рука машинально нащупала мобильник:

– Лиз, ты дома?

– Дома, конечно, а где же мне ещё быть? – она ответила мгновенно, как будто сидела и ждала этот звонок. И действительно, где? Где же ей ещё быть, если он сам отвёз её домой меньше, чем два часа назад.

– У тебя всё в порядке? – это был её обычный вопрос, вопрос – утверждение, вопрос – надежда, что у него все отлично – всё, включая здоровье, работу, семью, детей, настроение.

– Все ОК. Я приеду, Лиз. Сейчас. Хорошо?

– Сейчас? Хорошо, – она отозвалась, как эхо, лишь поменяв местами точку и вопросительный знак.

Была такая песня во времена его юности, которую так любила его мама:

"Мы эхо, мы эхо,

Мы долгое эхо друг друга"...

В доме стояла звенящая тишина. Он машинально потёр переносицу и вспомнил, что надо разгрузить чемодан – сыры, мальтийское вино и ликеры, майки мальчишкам, и так, по мелочам: сувениры и сувенирчики, коробочки и свёртки. Две огромные яркие керамические рыбы – подарок жене, увлекавшейся фэн-шумом и приветствующей дома морские мотивы, он собирался повесить на балконе или в кухне. Собирался. Рыбы были добротнo упакованы в пупырчатую пленку и тщательно обернуты его майками – Лиз постаралась. Все пришло целое, ничего не разбито. Целые рыбы и разлетевшаяся на мелкие кусочки его жизнь – такая устоявшаяся и цельная. Он аккуратно сложил сыры на первую полку холодильника и вышел, тихонько притворив за собой дверь. Задумавшись на мгновение, вернулся за распотрошенным чемоданом. В квартире по-прежнему было тихо.

Глава вторая

А дальше пошло все так, как пошло. И не всегда, как он предполагал. До окончания срока съёма крохотной квартирки в южном Тель-Авиве оставалось два с лишним месяца. Чеки были расписаны вперёд и отдавать их хозяин, конечно же, не собирался. Так и объявил по телефону: договор есть договор. Прошло 13-14 лет с начала большой Алии, и найти желающих на этот этаж, а особенно – на этот район – было уже не так-то просто. Поэтому решили использовать эти месяцы чтобы спокойно подыскать что-то симпатичное в лучшем районе и в приличном доме. Решили остаться в Тель-Авиве, из-за ее работы.

В конце недели он позвонил в Ирландию выяснить номер рейса и время прибытия. Он всегда встречал жену с конференций и сегодня это было для него особенно важно – чтобы всю информацию она получила от него, хотя...наверняка, она уже в курсе. По телефону было совершенно неясно, что именно ей известно. Ровный, чуть усталый голос, никаких эмоций и рассказов о стране – в целом, всё, как всегда. Впервые за все эти дни его буквально обожгла мысль – дети, его мальчишки уже дома, вернулись на конец недели. Как правило, пока жена занималась или дежурила, он встречал их, приводил в порядок форму – стирал, сушил, гладил, а потом выгуливал своих солдатиков.

Они очень любили шашлычную неподалеку, где набирали все виды шашлыка, салаты, соленья, хумус, лепешки. А он с удовольствием смотрел, как они едят и делятся друг с другом историями о своей службе. Слушал вполуха – ему достаточно было видеть их – здоровыми, сильными, совсем взрослыми, но все равно остающимися его мальчишками с лицами, перепачканными хумусом, как в детстве.

Что они думают о его таком "английском" уходе из дома? Что они услышали от бабушки? Почему не звонят – ни один, ни другой? Они умные, душевные, тактичные, они – его сыновья и просто обязаны его понять. Он вспомнил, как учила его мама лет в 13-14:

"Хочешь быть услышанным – скажи. Хочешь быть понятым – объясни". Он помнил эти фразы всю жизнь. Мама ушла рано, но те простые истины, которые она пыталась посеять в его сердце, он не забыл. Хотя, сейчас плохо представлял, как и что сказать, а тем более – как объяснить? Кому угодно мог, но только не своим мальчишкам.

Рейс из Дублина прибыл вовремя. Он погрузил ее багаж, спросил, как было.

– Обычно. Лекции с утра до вечера. Погода жуткая, холодно. А ты как съездил?

– По кофейку? – вместо ответа спросил он.

Она безразлично кивнула.

Они припарковались возле "Аромы" – их любимого кафе. Было немногочисленно. Им повезло попасть в такой час,

когда можно занять любое место, не ожидая в очереди. Сели у окна, в углу. Заказали, как обычно, по капучино – он без молока, она – погорячее. Сидели молча, сосредоточенно мешая чайными ложечками кофе в чашечках с логотипом кафе, безжалостно разрушая пенные сердечки, превращая их в невнятные обрывки, так похожие на острова Мальтийского архипелага.

Она сняла очки – модная оправка от Роберто Кавалли, купали в Риме – и легонько помассировала виски и уголки глаз.

Потом долго протирала стёкла и, наконец, спросила:

– Почему не пьешь? Остынет. – Она не переваривала теплый капучино, всегда просила принести "погорячее".

Привычно развернула крошечный квадратик молочного шоколада, осторожно опустила в чашку. Называла это "побаловать себя". Он знал наизусть ее многие привычки из той, прежней жизни и новые, появившиеся уже здесь. Они были вместе уже так давно.

– Знаешь, Лера, – начал он, не притронувшись к кофе.

– Знаю, – немедленно откликнулась она. – Давно.

Он опешил.

– Да, – продолжала она. – Ты хочешь спросить, почему молчала? Ну, во-первых, ждала, чтобы дети закончили школу, потом – чтобы вернулись из армии. Я не имела права так поступать с ними, вешать на них наши проблемы, пока они там... Она неопределенно взмахнула рукой. – Ты же знаешь,

какой Ленчик, ну, а Давидка – вообще...

Да, он знал своих детей, знал, каким ударом будет для них это известие.

– Вот и хотела потянуть ещё немного. Но сейчас я поняла – нельзя жить во лжи, – она пригубила остывший кофе, поморщилась и повторила четко и отдельно:

– Нельзя жить во лжи. Я объясню им все сама.

В машине они молчали. Так и ехали час с лишним в абсолютной тишине.

Он выгрузил ее чемодан из багажника, предложил проводить до двери, но она отказалась.

– Четыре колеса – сами едут, сами правят, сами к бабушке доставят.

Он сам покупал ей этот чемодан, лёгкий, красивый, вишневого цвета с матовой черной окантовкой – специально для конференций, чтобы ей было легче, когда его нет рядом.

– Ладно, пока, – она легко помахала рукой. – Встретимся у адвоката. Я думаю, что проблем у нас не будет. Завтра я подаю на развод. Скажем на суде, что не сошлись характерами.

Он не помнит, как доехал домой – в этот жуткий район южного Тель-Авива, в эту убогую квартирку, в которой хозяин давно обещал побелить стены, сменить трисы и починить кран на кухне. Это был сумасшедший контраст с той квартирой, в которой он жил уже больше трёх лет. Но ему было хорошо там, где была Лиз. Тепло и уютно. Когда душа не рвалась никуда, а просто чувствовала себя дома, слов-

но укрытая чем-то тончайшим, невесомым и необыкновенно теплым. У его мамы был когда-то такой ажурный пуховый белоснежный платок, который назывался "паутинка". Практически невесомый, с лёгкостью проходящий через кольцо, он приятно согревал плечи.

Лиз тоже согревала – легко и невесомо – одним своим присутствием.

Вот и сейчас – она ничего не спросила, почему он припозднился после работы, лишь кивнула, как обычно:

–Ты в порядке?

Да, он был в порядке.

Глава третья

И полетели дни и ночи, ночи и дни.

К середине лета они переехали в приличную 3-хкомнатную квартирку с лифтом и стоянкой. Правда, на последнем этаже, но с кондиционером. Без вида на море, но в нормальном районе, с нормативными соседями, не лезущими в душу и не набивающимся в друзья, не жгущими костры на лестничных площадках, не ломающими почтовые ящики, исправно платящими взносы в домовый комитет. Шесть этажей, стоянка, опрятная лужайка вокруг дома, а самое главное – очень тихая и спокойная улочка в центре это белого, в чём-то безумного, но такого любимого города, пахнувшего кофе, морем и каникулами.

Макс, возвращался в конце недели, и они его почти не видели. Мальчик-подросток, с которым ему удалось подружиться когда-то, превратился в огромного, заросшего щетиной парня, немного флегматичного, не задающего лишних вопросов и никак не прореагировавшего на факт их объединения. Ему оставалось совсем немного до выхода из армии, и он собирался поступать в колледж в провинциальном городишке на юге страны. Он сам принимал решения, ни с кем особо не советуясь – мальчик, выросший без отца и так быстро ставший взрослым и самостоятельным.

В середине августа пришло письмо от адвоката уже на но-

вый адрес – есть такая услуга на почте – переадресовка. Сначала после переезда он хотел связаться с Лерой и сообщить новый адрес, а потом раздумал. Переадресовка – это проще. Адвокат предлагала дату для встречи в немного странном месте – в кафе, а не в офисе. Это оказалась женщина средних лет, тем не менее, имеющая маленького сына, о котором упоенно рассказывала, сообщая все новые и новые детали о его предпочтениях в еде, играх и игрушках.

Лера понимающе кивала головой, пила в эту жару свой горячий капучино и терпеливо ждала паузы, чтобы вернуть пару слов и перейти, наконец, к делу. Наконец, адвокат, которую почему-то звали совершенно русским именем Дарья, видимо, поняла, что рассказала достаточно об обожаемом наследнике, пригубила минералку со льдом, в котором плавал тонкий ломтик лимона, и спросила, улыбнувшись:

– А вы знаете, почему мы встречаемся в кафе, а не в офисе?

– Угадать с трёх раз? – он не удержался, чтобы не съязвить.

– Попробуйте, – милостиво разрешила Дарья, принимаясь за чизкейк.

Он с трудом сдерживался, чтобы не нахамить. И где достала Лера этого, с позволения сказать, адвоката?

– Понимаете, – доверительно улыбнулась Дарья. – В офисе начинаются крики, споры, а здесь – она тетрально повела рукой, – а здесь – люди, не очень-то покричишь.

Да, конечно, она была права, эта адвокат, работающая с темпераментными израильтянами, которые просто не в состоянии были решать дела спокойно.

А потом...потом она действительно оказалась толковым специалистом и предложила вариант, о котором они даже не думали: он продолжает выплачивать их квартиру-мечту в Нетании, а она платит его съём квартиры – до определенной суммы, разумеется. И так десять лет, а дальше...Дальше квартира будет продана и деньги разделены пополам. Все по закону. Если не поступит новых предложений, удовлетворяющих обе стороны.

– Таким образом вы уберёжете детей от травмы, которую наносит развод. И среди этого хаоса сохраните для них островок спокойствия – их дом.

– А насчёт раздела имущества, – продолжала Дарья.

– Никакого имущества, то есть, никакого раздела, – раздражённо перебил он, уже не думая ни о каких приличиях. Все остаётся в квартире, – он чувствовал, как нестерпимо хочется ему покончить с договором, покинуть это милое кафе в деревенском стиле и не видеть перед собой лицо Леры, которая сидела молча и вроде бы совершенно спокойно. Лишь пляшущая туфелька без каблука на большом пальце ее правой ноги показывала, что спокойствие это даётся ей совсем нелегко.

– Машина тоже остаётся, – торопливо добавил он, опережая ее вопрос. – У меня машина с работы.

– А вы благородный, – покачала головой адвокат. – Таких сегодня немного. С вами можно было бы встретиться и в офисе.

Она задумалась, видимо, о чем-то своем. Потом встряхнув головой, словно прогоняя ненужные воспоминания, сообщила, что письмо будет готово в течении недели и выслано заказной почтой. А дальше – суд, развод и свобода.

К стоянке они шли молча. Наконец, он набрался смелости:

– Как Ленчик, Давидка? Что у них?

– Они взрослые, умеют разговаривать, мог бы позвонить, спросить, – желчно ответила Лера.

Его обдало горячей волной стыда за свою тупость. Он ждал, что они позвонят, с обидой осознавая, как стал вдруг совершенно не нужен своим мальчишкам.

А они...они, наверняка, думали то же самое.

– Я позвоню, сегодня же позвоню, – торопливо пробормотал он.

– Лучше завтра, завтра к вечеру они будут дома.

– Да, конечно, завтра. Пока, Лера, – он протянул руку, но она лишь помахала на прощание пальцами с безукоризненным маникюром и пошла к машине. Он стоял и смотрел вслед женщине, матери своих детей, по-прежнему интересной, ухоженной, успешной, так многого добившейся в новой стране, но не сумевшей удержать мужа и сохранить семью.

Глава четвертая

Лето прошло быстро, пролетело в каких-то мелких заботах. Главное – он наладил связь с детьми. Сначала это была переписка короткими эсэмэсками, а потом они встретились – в той же шашлычной. И были шашлыки и салаты, лепешки, хумус и соленья. И совсем рядом были любимые лица – загорелые, повзрослевшие. Они не виделись почти 4 месяца. Вроде немного? Много, очень много. Он чувствовал, что пропустил что-то в их жизни, и это что-то не вернуть, не восстановить. Они не задавали вопросов, не напрашивались в гости. А он не звал, не был уверен в их реакции.

В сентябре их развели по суду, и только тогда Лера сообщила о происшедшем их общим друзьям. Это был эффект разорвавшейся бомбы. И отголоски этого взрыва он ощутил сразу.

В октябре был день рождения у двоих из их компании, с разницей в три дня. Уже годы справляли традиционно: пикник на природе, гитара, капуста с переодеваниями, байки-анекдоты, много вина, мяса, зелени и хлеба. Было у них свое место в лесу под Иерусалимом – длинные деревянные столы, места для мангалов. В этом году его не позвали. Жены его друзей, с которыми он учился в университете, встали дружной стеной (тогда он понял, что женская солидарность – это реальность и сила). Они дружили семьями ещё до репатриа-

ции и не могли, да и не хотели видеть на месте Леры другую женщину.

Он встретился с ними в баре после работы. Поздравил. Но чувствовал, что разговор не клеится, ловил их взгляды – непонимающие, сочувственные и осуждающие одновременно. А ещё – их задело, как он мог столько времени хранить в тайне эти долгие отношения с Лизой. Они пили пиво с солёными орешками, перебрасывались ничего не значащими фразами и только в конце Борька, с которым они дружили с седьмого класса, неуклюже спросил:

– Как же так, брат?

Ему ужасно хотелось показать фотографии Лиз – она была очень фотогеничная. Рассказать, что он чувствует с ней каждое утро, поведать об их неспешных пятничных вечерах, когда она включает торшер и достает из футляра свою виолончель. И пространство их салона заполняется медовыми протяжными звуками, не спеша повествующими о чем-то очень важном и понятном только им двоим. Он хотел рассказать, но понимал – нет, не поймут. Осудили, заклеямили. И это надолго, если не навсегда. По дороге к стоянке Борька не выдержал и задал вопрос, который, видимо, мучил его весь вечер.

– Слушай, а нельзя было всё это... ну..как-то так... потихоньку? – его друг неловко развел огромные руки. Он понял этот неумело сформулированный вопрос и ответил словами Леры:

– Нет, нельзя. Нельзя жить во лжи.

Осень началась рано и неожиданно – никакого перехода от изнуряющей жары к затяжным дождям. Как-то внезапно наступал вечер, вползали в дом на мягких лапах сумерки, театрально завывал ветер за окном, и колотился в стекла дождь, по которому так скучалось летом.

Лиза не любила верхний свет, включала торшер, который зачем-то запихнули в багаж её родители и который, на удивление, дошел целым. Старая вещь, место которой, в лучшем случае, на блошином рынке, он удивительно вписался в их незамысловатый интерьер.

– Я назову его Марик, смеялась Лиза. – Он, так же, как и ты, дарит свет.

Она приходила домой раньше, готовила, красиво накрывала на стол, то есть придавала ужину какой-то внутренний и глубокий смысл, помимо поглощения пищи. Так было, когда они встречались, так осталось и сейчас. И он был ей очень благодарен за это.

Им не нужны были подпитки для их отношений – частые походы в кино, в театр или на концерты. Им было настолько тепло вместе, настолько органично они себя ощущали дома, даже находясь в разных комнатах, что это удивляло обоих. Макс приходил поздно, а потому все эти длинные и дождливые вечера они были дома одни.

По субботам иногда ехали к морю – брали термос с кофе, черный 90% -ый шоколад – ее любимый, теплые пледы, что-

бы постелить на пляжные стулья и укутаться, насколько это возможно. Сидели молча, наблюдая за свинцовым морем, за танцующими волнами, оставляющими пенное кружево у их кроссовок, за белой цаплей, которую сносило ветром, но которая упрямо гуляла по воде, смешно переставляя длиннющие ноги.

Если начинался дождь – возвращались домой или прятались в прибрежной кафешке, где их уже знали и приветливо улыбались, принимая заказ. Ничего особенного: какой-то горячий чечевичный суп, скорее, даже не суп, а похлёбка с румяными гренками, или чипсы с кебабами, которые они поливали кетчупом, или просто теплый хумус с островками оливкового масла на поверхности и щедрой горстью кедровых орешков. Его подавали с чуть подпаленными по краям питами, от которых пахло костром, и с крошечной салатницей, в которой теснились мелко нарезанные соленые огурчики. И это было невероятно вкусно.

Несколько раз съездили навестить Лизиных родителей. Посидели душевно и тепло, и Лиза видела, как приятны им эти посиделки. Теперь они не будут так одиноки и оторваны – в декабре Макс переезжал в этот городок и, хотя жить собирался на съеме, но тут-там сможет заскочить к деду – бабе, уделить им внимание.

Иногда Лиза думала, как несправедливо всё-таки устроена жизнь : почему ее сын должен был вырасти без отца? Почему она оказалась так оторвана от родителей, живя с ними в

одной стране? Почему они не имели возможность часто видеть своего взрослеющего единственного внука? И почему, наконец, они с Марком не пересеклись в той, прошлой жизни? Они,

жившие в одном городе, ходившие в один зоопарк, обожавшие одни и те же качели в городском парке и бегавшие после уроков в "Снежок" – кафе- мороженое в тенистом сквере в самом центре города. У них, познакомившихся в другой стране, были общие воспоминания: о любимых кино-театрах и ноябрьских демонстрациях, о булочках с изюмом и огромных арбузных развалах на известном на всю страну базаре, о бочках с таким холодным морсом, от которого ломило зубы, и который, по слухам, делали из ее любимых конфет – барбарисок. Они оба выращивали в больших картонных коробках шелковичных червей, кормили черепашек мелкими белыми цветочками, называемыми в народе "кашка", и запускали весной привязанного за лапку майского жука.

Но судьбе было угодно, что они не встретились там, в их теплом южном городе. Там он встретил Леру. Все восхищались сочетанием их имен – Марк и Валерия. И вообще, они были пара во всех смыслах. Он как- то показал ей фото. Были... Она, Лиза, совершенно не имела планов уводить его из семьи. И это, наверное, тоже была судьба, чей-то план сверху.

И были его дети, сыновья: Леон и Давид. Она очень хотела познакомиться с ними и понимала, как непросто это осу-

ществовать. Кто она в их глазах? Любимая женщина их отца или разлучница, уничтожившая привычное течение их жизни, сломавшая их семью?

Глава пятая

В начале декабря Макс уехал на юг. Снял квартиру ещё с двумя ребятами – по цене выходило нормально. О его быте она не беспокоилась – все же бабушка и дедушка под боком, голодным не будет. Стирку можно привозить на конец недели, как во время службы. Впрочем, он и конец недели не собирался проводить на диване – договорился о работе в итальянском ресторанчике официантом. На этом фронте всё было спокойно.

Но его мальчишки не выходили у нее из головы.

В середине декабря был его день рождения. Сначала она хотела поздравить его по-королевски – взять две ночи в гостинице или циммере где-то на севере – с джакузи, свечами на длинных тонких цепях и лепестками роз на кровати. С камином и прогулками по окрестностям, с травяным чаем на завтрак и белым вином на ужин. Но потом опомнилась – вот она, та возможность, другой такой ещё ждать и ждать. Если дождешься.

Она интуитивно чувствовала, почему он не приглашает детей – боится отказа. А потому приложила все свои способности, чтобы убедить – вот, именно сейчас этот случай – его день рождения, и что можно, наконец, представить их друг другу, и что меньше, чем через полгода они выходят из армии, а там – кто знает. Разлетятся... разбегутся.

К ее предложению он отнёсся на удивление спокойно, видимо, сам думал об этом.

– Чем будешь удивлять? – улыбнулся он.

Да она готова была стоять на кухне несколько дней, чтобы накрыть красивый и вкусный стол, домашний, отличающийся от армейского меню. Но, вместо перечисления своих коронных блюд, спросила только:

– А что они любят?

Ребята пришли с подарочной бутылкой коньяка и небольшим, но очень красивым букетом – для неё. Она заранее любила этих детей только за то, что они были его дети, но этот букет буквально растопил ее сердце. И не было никакой неловкости, и сразу завязался разговор – пустой, но лёгкий и непринуждённый. Разговор о том-о сем – о погоде и службе, о планах после выхода из армии. Они освобождались с разницей в несколько месяцев, и планы были грандиозные. Старший, закончивший 13-й класс по специальности "электроника" и работавший в армии в этой области, не хотел тянуть время и собирался сразу поступать в Технион.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.